

НА ПРОСТОРАХ «РУССКОГО ВОПРОСА»

Поскольку главный положительный герой этой статьи пятилетней давности в «Литературной России» Н.Куракин — объект дифирамбов её авторши — всюду и всячески её — то есть статью — рекламирует и тиражирует, и на своей авторской странице, и на сайте «Стихи.ру», то надо, наконец, высказаться и той «местной нигилистке», «русифобке» и «лекторше в блатном прикиде», которой изобразила меня в ней Е.Мартынова. Надо сказать, что Мартынова упражняется в пасквилях в мой адрес уже не первый год, это был уже третий или четвёртый её опус. Все они были написаны ею с целью защитить своего друга и наставника Куракина, чьё литературное объединение она много лет посещала, являясь неустанным исследователем и пропагандистом его творчества. Она и предисловие к его сборнику писала, и статьи в газетах во славу куракинского поэтического дара печатала. А тут вдруг я - со своей иной «точкой зрения», которую Мартынова почему-то заключает в кавычки. Прикрывшись лозунгом русской идеи, глубокомысленными рассуждениями о «соборности, православии и народности», она мстит мне за критику его графоманских виршей, которые я позволила себе высмеять. Например, таких:

Порносайты, децлы, интернет...
Духа русского здесь нет как нет.

Нет, не застоьем андалузским —
сроднились мы простором русским.

В нас пузо всё ширше, а лобик стал узким.
Не русский в нас дух, а надо б — чтоб русский!

Вот уж поистине, квасной патриотизм. Вспоминаются строки М.Кульчицкого: «Я б запретил декретом Совнаркома писать о Родине бездарные стихи!».

«Люд ты мой русский! Стонущий, страждущий», — с фальшивым псевдонекрасовским пафосом витийствует автор. «Я сын отца! Я русский слишком...» «Когда в российские просторы прихлынет русская беда...» «Любовь на века, и русская дань светлой грусти...» И что, всё это словоблудие даёт основание называться «русским поэтом»? Иные строчки Куракина просто просятся в пародию:

Иду помалу на ущерб
что делать? — лучшей половиной.

Это какой же? — невольно напрашивается вопрос.

Возвысив омовеньем тело,
себя почувствуй — вглубь и вширь.

А коли боль берёт в тиски —
сжимай виски.
Чтоб уберечься от тоски —
стирай носки.

Был беден поэт, как церковная мышь,
только голову гордо держал.

Все шипели вокруг: «Ну чего ты мнишь?
Вот тебе б да в штаны ежа!»

Счастливым, словно дар Валдая,
сизу, в зубах я ковыряю.
Промеж зубов застряла масса —
из русских щей говяжье мясо!

Предвижу, что Мартынова с Куракиным опять будут вопить, что я «тенденциозно» вырвала эти строки из контекста. Но тут нечего на зеркало собственной «продукции» пенять, коли... дальше сами знаете. Называясь русским патриотом, неплохо бы для начала овладеть русским языком. Тогда на свет не рождались бы в потугах такие перлы, как «Богом даденная милость», «в щели рассохнулась кадка», «задрыхлый, сплю, как кошка», «с чистого в кровь начинать мне листа», «солнцелики вскрики одуванов», «немый рот», «жаровная страсть» и т.д. до бесконечности. Мартынова тенденциозно не приводит всех этих ляпов из моей статьи о Куракине, подменяя их высокими понятиями «русских ценностей», на которые я якобы ополчилась в своей книге.

«О ейных подвигах (то есть моих — Н.К.) вы можете прочитать в статье «На просторах русского вопроса» — неустанно пиарит этот пасквиль Куракин на всех интернетских форумах. Кукушка хвалит петуха, а петух её за это рекламирует. «Патриотизм — это тоже талант, по нынешним временам редкий. С талантом не спорят. Его признают. Ан нет...» — пишет Мартынова о своём герое. По поводу поэтического «таланта» Куракина спорить не буду, это уже даже не смешно. И даже по поводу «неоспоримости» патриотического «таланта» — с этим «спорят» сами его стихи. «Я иду по Руси. Отыщу ли тот дом деревенский?» Давно, стало быть, не был на родине-то. Неужто так и не отыскал дом родной?

«Гражданское начало поэзии Н.Куракина встречает у Кравченко решительный отпор. Оказывается, пугают её исконные народные ценности...» Однажды я уже уличила Мартынову во лжи и в ответной статье буквально ткнула носом во все её, мягко говоря, неточности и подмены смыслов. И вот опять — тоже самое. Да не русскую нацию я высмеиваю, а бездарных виршеплётов, не Россию я ненавижу, а антисемитов и националистов! Это, согласитесь, далеко не одно и то же. Когда мы научимся понимать разницу между патриотизмом истинным и мнимым, между фразой и делом, между гордостью и спесью?

«На всякое упоминание о происхождении, о родословной Кравченко реагирует смачным словечком «мутотень», столь часто встречающееся в её последней книге «Ангелы ада», что у меня возник соблазн заняться статистикой», — пишет критикесса. Здесь ложь в каждой строчке. Слово «мутотень» встречается в книге лишь однажды и в связи с понятием модных сейчас поэтических перформансов, о чём-либо происхождении и родословной в этой книге нет даже упоминания. И, кстати, слово «мутотень» (от слова «муть») — не матерное и не блатное, как почему-то решила Мартынова. «Преподавателю культуры речи» надо бы знать, что оно означает всего лишь галиматью, а не то, что она подумала, назвав меня за него «лекторшей по русской литературе в блатном прикиде».

Общеизвестная цитата о патриотизме как о «последнем прибежище негодяев» принадлежит не мне, как приписывает мне Мартынова, а Самюэлю Джонсону. Эти слова часто цитировали Марк Твен в Америке, Флобер во Франции, Лев Толстой в России. Толстой эту цитату, как себе очень близкую, вписал даже в свой «круг чтения». Так что Мартынова демонстрирует своё дремучее невежество и узость мышления, обрушивая на меня в данном случае свой праведный патриотический гнев. И таких наглых подтасовок здесь множество.

«Не дай Бог кто-нибудь из писателей наших обмолвится о русском своём происхождении, о родословной, о предках. «Это чванство мне отвратительно. Неужели же

это повод для гордости»(Н.К.)). Опять враньё. Эта фраза была мною сказана в памфлете «Русофобия» («По горячим следам» 2003) совсем по другому поводу. Цитирую свой подлинный текст: «Я не байстрюк и не сураз презренный,/ в законном браке от отца рождён», — гордо заявляет Муллин о своём законном происхождении. Это чванство мне отвратительно. Неужели же это повод для гордости?» Я писала здесь о том, что «законное происхождение» Муллина и ему подобных не даёт им права относиться к людям с «незаконным» происхождением свысока. При чём здесь родословная? Как можно так врать на каждом шагу, как самой не противно? Что, не хватает ума вести полемику честно, без этих подтасовок и передёргиваний?

«Авторитет Пушкина, конечно, для Н.К. ничего не значит. Хоть и читала она лекцию о нём «Непричёсанный Пушкин». Задача проста, а приём тривиален: мотивировать гениальность поэта «непричёсанностью» его личной жизни». По принципу «Пастернака не читал, но скажу», Мартынова, не посетившая ни разу ни одной моей лекции, снова бесстыдно извергает печатную ложь. Ложь, которую я могу теперь опровергнуть в любом суде, так как в последние годы в зале ведутся диктофонные записи моих лекций, и клеветать на них безнаказанно я уже никому не позволю. «Непричёсанный Пушкин» — это значит не лубочный, не приукрашенный, живой, а не то, что помстилось Мартыновой с Куракиным с их грязным воображением. Достаточно заглянуть на мой сайт в графу «Из книги отзывов Областной универсальной научной библиотеки», чтобы вздорность их обвинений стала очевидна.

А если их недостаточно, то могу привести фрагмент из письма А.Кушнера, знакомого с записями моих вечеров: «Как же повезло Вашим слушателям в Саратове, что у них есть такой замечательный знаток поэзии, умный и вдумчивый её пропагандист. Мне дорого всё, что Вы сказали о моих стихах, и как досадно, что наши критики не обладают и десятой частью того понимания и той любви к стихам, которые дарованы Вам. Только человек, имеющий и сам прямое отношение к поэзии, а главное — так тонко чувствующий, понимающий её, может так войти в чужие стихи и понять главное в них. Вам благодарны тени всех поэтов, о которых Вы рассказываете. Я восхищаюсь Вами». Все письма Александра Семёновича Кушнера — а их около 30-ти — у меня в целости и сохранности, так что если Мартынова позволит себе публично усомниться в их подлинности (привожу её подленькую фразу: «А может быть, это и не Кушнер сказал? Может быть, это сама Н.М. всё напридумывала?») — на суде, я думаю, мне удастся её в этом убедить.

Теперь по поводу обвинений меня в «русофобии». Их, кстати, первым выдвинул Куракин, подсчитав, что в цикле моих лекций поэтов еврейского происхождения (Пастернак, Мандельштам, Бродский) на одного-двух больше, чем русских. Я ответила всем этим профессиональным патриотам в своём памфлете «Русофобия», всем тем, чья любовь к Родине и гордость за своё происхождение сочетается с агрессией по отношению к другим народам. Человека, который кичится и чванится тем, что он «исконных славянских кровей», как будто в этом есть его заслуга, и который пишет такое:

Москва, Москва, столица россов,
погрязла в инородстве ты.

Здесь рожает, пашет, куёт
твой, Россия, главный народ.

Предъявите нрав, великороссы,
предъявите счёт!,

который кричал моему мужу Давиду в трамвае: «Не по своей земле ходишь!» — я не

могу считать не только поэтом, но и просто порядочным человеком.

Россию любит, кто ей служит,
кто за неё пойдёт на плаху,
а не позёр, что бьёт баклуши
и рвёт у ворота рубаху. —

это из моих стихов, которые Мартынова недобросовестно цитировала, обвиняя меня в «ненависти к России». «Россия гибнет не оттого, что мы её мало любим, а оттого, что мало ненавидим её болезнь», — декларирует Н.К., как обычно, ссылаясь на изъятые из контекста чужие строки». Во-первых, у «чужих строк» есть автор, Дмитрий Философов, который в моём тексте называется, и которого Мартынова почему-то назвать постеснялась. Не слыхала и о нём, как о Самюэле Джонсоне? Или что-то имеет против известного публициста, критика, религиозно-общественного и политического деятеля Серебряного века? Не мешало бы ей на мои лекции-то походить, глядишь, знаний бы поприбавилось. А, во-вторых, какой ещё ей контекст нужен? Всю статью, что ли, перепечатать? Этого контекста вполне достаточно для выражения данной мысли. При этом она старательно игнорирует мою фразу, идущую следом: «Патриотизм не в том, чтобы славить, а чтобы болеть душой за то, что происходит в стране» («Русофобия» стр. 210, кн. «По горячим следам»).

Дальше — пуще: «И ненависть эта переносится на Россию». У кого? У Философова? И кем переносится? Мартыновой? Это называется «с больной головы на здоровую». «От русофобии Кравченко, правда, старательно отрекается. «Русофобия — это ненависть к России. Где у меня это... хоть в одной строчке?» — патетически вопрошает она в книге «По горячим следам». А вот где. «Выключаю телевизор: /крики, бомбы, взрывы в шахте.../ Где-то под горой убитых/ задыхается Россия./ Здесь же — штор глухих защита/ и стиха анестезия...»

Анестезия, да будет известно Мартыновой, применяется для того, чтобы заглушить, приуменьшить боль. А раз такая анестезия мне нужна, значит, боль эта существует. «Болящий дух врачует песнопенье». Но критикесса продолжает уверять читателя в моей бесчувственности: «Ну хорошо. Отказалась слышать — пиши о любви и берёзках, — «разрешает» мне она. — Каждому своё. Но эгоцентризм переходит в агрессию по отношению к тем, кто не закрывается от современных и вечных проблем глухими шторами». Читай — по отношению к Куракину. И вот на таких демагогических приёмчиках построена вся эта статья.

«Страна больна смертельно. И преступно/ не видеть этих признаков в упор», — цитирует Мартынова мои строки о России. И делает из них собственный вывод: «мол, дайте умереть ей спокойно». То есть прямопротивоположный тому, что говорится в стихотворении, которое вынуждена привести целиком:

Страна больна смертельно. И преступно
не видеть этих признаков в упор.
Спокойно спать, покуда запах трупный
сочиться будет из щелей и пор.

Её кровавой рвоты от отравы
гнилья помоек, радиовранья
не видеть, воспевая лишь дубравы,
берёзок шум да трели соловья.

Не любите Россию вы. Ну разве
любовь это — в её последний миг

хвалить красу, не замечая язвы,
и славить глас, не разумея крик?!

1993

Так что, к чему я здесь призываю, — к тому, чтобы равнодушно проходить мимо, дав «умереть ей спокойно», как уверяет Мартынова? Или всё же наоборот?

«Своего доверчивого читателя Н.К. пытается убедить, что в гибели поэтов-индивидуалистов, наделённых всеми смертными грехами («Ангела ада») виновата «сусальная и неживая страна». И что вся история России — это лишь летопись «умертвий». Опять враньё. Ничего подобного в моей книге нет. Опять ярлыки: «поэты-индивидуалисты». А что, Мартыновой с Куракиным ближе поэты-коллективисты? Этот вульгарно-социологический подход к сложным и тонким вещам возмущает. Строка «сусальная и неживая» страна» выдернута из другой книги, «По горячим следам», из моего стихотворения «Национал-патриотам»:

А вам, друзья, я так отважусь
сказать, поскольку здесь живу я.
Люблю Россию, но не вашу,
сусальную и неживую.
Люблю не миф, не сверхдержаву...
Не древних сказов благолепье,
где столько патоки и фальши...

Так что «сусальная и неживая» — это в данном контексте их Россия, Россия их трескучих виршей и фальшивых идеологий, а не моя. «Давайте не будем забывать, что патриотизм — это прежде всего любовь», — безапелляционно заявляет Мартынова, подытоживая кучу своих лживых и демагогических тирад. Вот именно. Любовь. Но не к себе, любимому, как у Куракина, который, «идя по Руси», не забывает при этом смотреться украдкой в карманное зеркальце: «и раскрывши глаза всякий раз как-то очень по-детски, /тут и там узнаю мне родные черты». И не к любимому наставнику любовь, как у Мартыновой, ради которого она готова на любую ложь и подлог. Что касается меня, то мне ближе не их крикливый патриотизм напоказ, казённый и лицемерный, не патриотизм куракиных-мартыновых-муллиных, а патриотизм Чаадаева, Галича, Чичибабина, Окуджавы:

Я люблю! Да, люблю! Без любви я совсем одинок.
Я отверженных вдоволь встречал, я встречал победителей.
Но люблю не столицу, а Пески, Таганку, Шипок,
и люблю не народ, а отдельных его представителей.

Без любви нет истинного патриотизма. Есть выпренная, не пережитая сердцем, громкая велеречивость, которая убивает живое тёплое чувство родного угла. А люди, которые пишут статьи с единственной целью — опорочить имя противника в общественном мнении, прикрываясь при этом маской патриотизма или морали, вызывают у меня глубочайшее презрение.

Ещё Н. Карамзин писал: «Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело — быть людьми, а не славянами». А И. Бродский в одном из интервью сказал: «Я всегда полагал, что человеческое существо должно определять себя в первую очередь не этнически, не расой, не религией, не мировоззрением, не гражданством и не географической ситуацией, но, прежде всего, спрашивая себя: «Щедр ли я? Лгун ли я?». Думаю, что Е.Мартынова этот

тест бы не выдержала.

Ну и в заключение — ещё одна статья из той же «Литературной России», но уже о самой Мартыновой, о её последней книге. Что-то об этой статье Марии Гусевой Куракин на своих интернет-форумах умалчивает. А это несправедливо: страна должна знать своих героев.

ЕЛИЗАВЕТА МАРТЫНОВА ОСТАЛАСЬ В ВЕКЕ МИНУВШЕМ

Сейчас очень много говорится о переломе: о новой жизни и, как следствие, о новой литературе. К сожалению, перешагнув «окраину века», обнаруживаешь, что за этой окраиной хоть и есть новая жизнь, но, увы, нет новой литературы. Все темы и формы ты уже где-то видел и видел их, кстати, в лучшем исполнении, чем тебе предлагают теперь.

Каждый раз, когда берёшь в руки книгу, ты надеешься, что вот оно — новое слово, что вот сейчас, именно в этот момент, именно этот автор совершит прорыв, выведет литературу из многолетнего ступора, откроет для читателя третью Америку. Увы, нет на нас такого Колумба, который мог бы привести судно русской литературы к неизведанным доселе берегам. Елизавета Мартынова — не исключение. Сборник её стихов называется «На окраине века» — и это символично, если учесть, что всё человечество пошло дальше, в век 21-й, а госпожа Мартынова так и осталась стоять на месте, в веке 20-м.

Ветер перемен никоим образом не затронул поэтессу: «Что сказать о поэзии модной,/ Небывалого строя и склада?/...Я училась у рек темноводных,/ у шумящей мольбы листопада». Но если Мартынова ставит свою консервативность себе в достоинство, то причины подобной точки зрения не понятны; консервативность хороша в том случае, если она грамотно переработана и чётко выдержана. Даже самый «традиционный» поэт обязан иметь свой собственный голос. А в этом сборнике нет не то что собственного голоса, даже шёпот Елизаветы Мартыновой нам не слышен. Всё это — лишь чужие слова, переписанные через уже затёртую копиру. «Ночь напролёт мне не спится./ Окна горят серебром./ Долгая вьюга кружится/ над побелённым двором». Кто автор этих строк? Где он, этот автор?

Вообще подобная литература должна уничтожаться в зачатке. Не из-за того, что она уж очень плоха, вовсе нет, бывает и хуже, но из-за своей непроходимой серости. Когда безликий автор единичен, это ещё не страшно, но если таких становится больше (а ведь каждый из них рвётся в печать, жаждет незаслуженной славы и признания) это уже превращается в трагедию. И хотя абсолютно не понятно, что нового привнёс сборник Елизаветы Мартыновой, его автор всё равно претендует на «духовно-смысловую наполненность текстов», «философское осмысление жизни, происходящее через любовь», и даже на «авангардные формы и смелые рифмы».* В качестве примера последних автор предисловия к сборнику приводит «росой — соль», «ливня — клине», и пр. Что ж, если это — смелые рифмы, что же станется с «испугавшимся автором»? В конечном счёте, подобная смелость приведёт к незабвенному «кровь — любовь» и так там и останется. Впрочем, от «росой — соль» до «любовь — морковь» осталось совсем чуть-чуть.

Самым же страшным в таком ... творчестве является то, что его позиционируют как нечто новаторское и сверхгениальное, вместо того, чтобы признать: подобного рода стихи — не более чем выброс гормонов молодого организма, но никак не результат осмысленной деятельности. Дифирамбы же в адрес «серых» поэтов — лишь новая порция снотворного в исколотое тело русской литературы.

«Литературная Россия». 23.11.07. № 47 (2335)

* (предисловие к сборнику стихов Елизаветы Мартыновой Михаила Муллина)